ВСЕСОЮЗНОЕ ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ПРОФЕССОР
К. В. БАЗИЛЕВИЧ

О ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВАХ

(Из истории вопроса)

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ,
прочитанной 18 октября 1946 года
в Доме инженера и техника в Москве

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

МОСКВА 1946 г

ВСЕСОЮЗНОЕ ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР

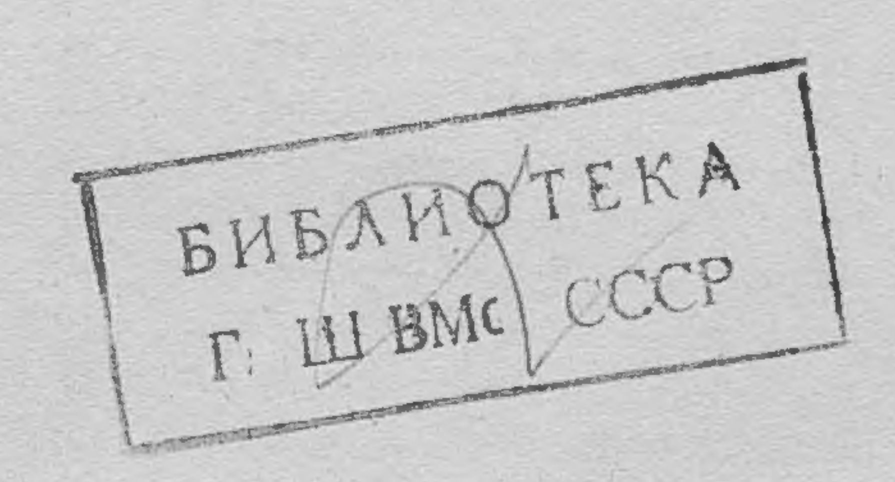
Профессор
К. В. БАЗИЛЕВИЧ

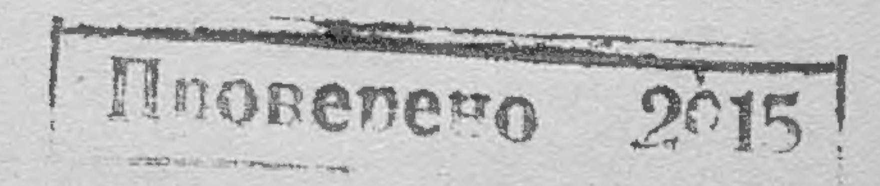
О ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВАХ

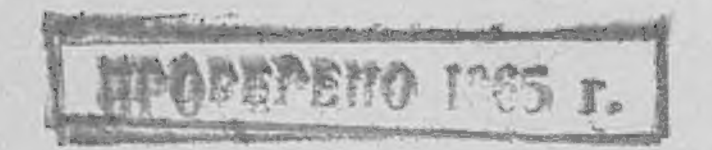
(Из истории вопроса)

Стенограмма публичной лекции, прочитанной 18 октября 1946 года в Доме инженера и техника в Москве

МОСКВА ★ 1946 г.

ПЛАН ЛЕКЦИИ

Редактор — доктор исторических наук А. Ф. Миллер.

А 13357. Тираж 85 000 экз. Заказ 2381.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

7 августа 1946 года советское правительство обратилось к правительству Турции с предложением пересмотреть конвенцию о проливах Босфор и Дарданеллы, заключённую в Монтрё в 1936 году. Как показал опыт второй мировой войны, эта конвенция не обеспечивает безопасности черноморских держав и не отвечает условиям настоящего времени. Поэтому советское правительство предложило турецкому правительству организовать совместными средствами оборону проливов без нарушения суверенитета турецкого государства.

Советские предложения по вопросу о режиме проливов и их обороне произвели большое впечатление во всём мире и вызвали многочисленные отклики в разных странах. Важно поэтому исторически проследить, как возникла проблема проливов, имеющих жизненное значение для черноморских держав. Тогда станет совершенно ясным, что справедливые требования советского правительства опираются на огромный многовековой опыт, с полной несомненностью установивший, что проливы, в качестве единственного пути, соединяющего закрытое Чёрное море с южными морями, с одной стороны, играли выдающуюся роль в мирном общении между народами, а с другой — открывали возможность для грабительских нападений на берега Причерноморья.

Босфор и Дарданеллы — ворота к Чёрному морю

Известно, какое большое прогрессивное значение имели морские связи во все периоды истории для экономического и культурного развития народов. По своему географическому положению Чёрное море является частью великого Средиземноморского бассейна, его огромным «заливом».

Начиная с глубокой древности, Босфор и Дарданеллы играют роль двойных ворот, отделяющих Чёрное море от Средиземного. Наиболее узкое место в Дарданелльском проливе находится недалеко от входа в пролив со стороны Эгейского моря и имеет около 1300 метров ширины. Босфор ещё у́же: средняя ширина его — не более 650 метров. Такая незначительная ширина проливов ещё в древности давала возможность тем, в чьих руках находились их азиатские и европейские берега, полностью осуществлять контроль над проливами, извлекая из этого большие экономические выгоды и политические преимущества.

Значение черноморских проливов прекрасно понимали древние греки, установившие, по совету Алкивиада, таможенную заставу в

Хрисополисе, недалеко от Халкедона (Кадыкей). Высоко оценивая экономическое значение стран, прилегающих к Чёрному морю, греки создали на черноморском побережье ряд своих колоний. Наиболее крупные из них были расположены в Северном Причерноморье и особенно в Крыму. По свидетельству Демосфена, до половины привозившегося в Афины хлеба поступало из Херсонеса.

Наследница древней Греции, Византийская империя также стремилась превратить Чёрное море в своё исключительное владение, не допуская в его воды ни одного иностранного корабля. Однако если в античную эпоху население Северного Причерноморья, стоявшее ещё на уровне патриархально-родового строя, не могло соперничать с греческими рабовладельческими государствами, то с объединением восточных славян Руси и образованием сильной Киевской державы положение совершенно изменилось. Славянские поселения стали доходить до берегов Азовского моря, а на Таманском полуострове образовалось отдельное русское княжество Тмутаракань, взявшее под контроль Керченский пролив. Попытки Византии стеснить русскую торговлю в Чёрном море вызвали несколько крупных морских походов киевских князей к столице империи — Царьграду (Константинополю). Киевская Русь сумела отстоять свои интересы. По договорам 911 и 944 годов она добилась права пользоваться морем для сношений с Византией.

Захват причерноморских степей кочевниками-половцами и монголо-татарское нашествие прервали морские связи Руси. На несколько столетий русский народ был отброшен от берегов Чёрного моря и отрезан от других стран Средиземноморского бассейна.

В XIII веке черноморская торговля перешла в руки итальянцев, основавших на северном побережье моря ряд своих колоний. Соперничество между итальянскими республиками Венецией и Генуей закончилось победой последней, главная колония которой Кафа (Феодосия) стала крупнейшим центром торговых связей между Западной Европой, причерноморскими и восточными странами.

В конце XIV и начале XV века на Чёрном море впервые появились турецкие пираты, которые стали нападать на купеческие корабли. Генуя и Венеция пытались откупиться от турок данью, но это не помогало.

В 1453 году пала Византия. Укрепившись на берегах проливов, турки получили здесь выдающиеся торговые и стратегические позиции. Обстановка в бассейнах Чёрного и Средиземного морей резко изменилась. В 1463 году султан построил на обоих берегах Дарданелл береговые батареи — Седд-уль-Бахр (на европейской стороне) и Чанак-Кале (на азиатской стороне). С этого времени турецкие начальники по своему усмотрению могли останавливать любой иностранный корабль. Положение международной торговли ещё больше ухудшилось, когда турки в 1475 году подчинили своей

власти города южного побережья Крыма и превратили крымского хана в вассала и данника султана. Систематическое ограбление русских купцов, приезжавших в Кафу и Константинополь, заставило Ивана III в 1496 году направить своих послов к султану Баязиду II. Но султан не хотел и не мог чего-либо предпринять для защиты русских торговых людей.

Неудачны были попытки и других европейских морских держав (Франции, Англии, Голландии) добиться у султана разрешения на свободный проход через проливы. Постепенно у турецкого правительства устанавливается взгляд, что Чёрное море — турецкое внутреннее море, куда не следует пускать ни одного иностранца.

Таким образом, «двери» в Чёрное море для иностранных судов были закрыты, а сами турки вследствие низкого экономического и культурного развития не в состоянии были обслуживать потребности торгового мореплавания причерноморских стран. Прекращение свободного сообщения между Чёрным и Средиземным морями губительным образом отражалось на этих странах.

Борьба России за выход к Азовскому и Чёрному морям до середины XVIII века

С конца XV века, после объединения русских земель вокруг Москвы, Россия стала быстро вырастать в могущественную европейскую державу. Между тем в период феодальной раздробленности и господства Золотой Орды русский народ оказался отрезанным от морей, омывающих берега Восточной Европы. Это очень вредно отражалось на экономическом развитии русского государства и мешало установлению культурных связей с другими странами. Кроме того русские земли оказались открытыми для иноземного вторжения и в течение XVI—XVII веков неоднократно подвергались разорительным набегам со стороны Крымского ханства. В 1571 году крымские татары, воспользовавшись уходом русских войск на войну с Ливонским орденом, неожиданно прорвались к Москве и сожгли русскую столицу. Оборона южных окраин требовала от России огромных расходов и большого напряжения сил.

Несмотря на постоянную опасность со стороны татар, уводивших толпы пленных для продажи их в рабство на константинопольском и малоазиатских невольничьих рынках, русские всё упорнее наступали на южную степь, возвращаясь к морю, в те места, где жили их предки в IX—X веках. Экономическое и культурное развитие России также требовало открытия доступа к морям, омывающим восточноевропейскую равнину. Эта важнейшая историческая задача, от разрешения которой зависела судьба России как европейского государства, была поставлена Петром I.

Завоевательная политика Турции, поработившей южных славян и пытавшейся во второй половине XVII века продвинуться ещё дальше на запад, привела к образованию союза, в состав которого вошли Австрия, Польша и Венеция. В 1686 году к союзу присоединилась и Россия.

Предпринятые при царевне Софье в 1687 и 1689 годах походы на Крым окончились неудачей, которая в значительной степени объясняется трудностями продвижения по безводной, выжженной степи. Пётр решил нанести удар противнику в другом направлении — на турецкую крепость Азов, запиравшую устье Дона.

Большим преимуществом этого плана была возможность воспользоваться для перевозки войск и грузов речным путём (Ока—Волга—Дон). Однако первая осада Азова, в 1695 году, не принесла нужного результата. Отсутствие русского флота не дало возможности осуществить блокаду Азова, и турки всё время снабжали крепость с моря.

После отвода осадного корпуса на зимние квартиры Пётр со свойственной ему энергией принялся за постройку небольших военных и транспортных судов. В исключительно короткий срок, в течение нескольких зимних и весенних месяцев, в окрестностях Москвы и Воронежа было сооружено 27 небольших боевых кораблей (галер) и до 1500 грузовых судов. Летом 1696 года турки, находившиеся в Азове, неожиданно увидели на реке и на взморье густой лес мачт новой русской эскадры, подходившей к крепости. На этот раз попытка турок оказать помощь Азову со стороны моря окончилась неудачей. 28 (18) июля 1696 года Азов капитулировал.

Эта первая победа, одержанная русскими войсками в борьбе за возвращение берегов Азовского и Чёрного морей, была замечательна тем, что знаменовала собой зарождение русского боевого флота, необходимого для защиты интересов России.

В войне с Турцией Пётр преследовал две главные цели: обезопасить южные границы русского государства от нападения турецко-татарских полчищ и добиться выхода в Чёрное море. Первая задача отчасти разрешалась занятием Азова, опираясь на который можно было угрожать Крымскому ханству и сдерживать его грабительские нападения на южные русские земли. Выход же в Чёрное море для русских военных и торговых кораблей оставался и после занятия Азова закрытым, так как, владея Еникале и Керчью, турки попрежнему имели возможность не пропускать через Керченский пролив ни одного судна. Поэтому Пётр прекрасно понимал, что капитуляция Азова является лишь частным успехом и что для достижения поставленных политических целей необходимо продолжать войну.

Отправляясь в путешествие за границу в 1697 году, Пётр надеялся укрепить и расширить союз европейских государств против Турции. Вскоре, однако, он убедился, что всё внимание крупных европейских держав привлечено к Западной Европе, где в связи с ожидавшейся кончиной престарелого испанского короля Карла II Габсбурга возник вопрос о судьбе его огромных континентальных и заморских владений. Кроме того во время своего пребывания в Вене Пётр узнал, что союзники России в войне с Турцией — Австрия и Венецианская республика — готовятся к открытию мирных переговоров с турками.

При сложившейся ситуации не было никакого смысла продолжать войну, не располагая сильным флотом.

Русским представителем на мирном конгрессе, открывшемся в ноябре 1699 года в городе Карловицах, был талантливый дипломат дьяк Возницын. По предварительной договорённости между союзниками, в основу мирного соглашения был положен принцип «uti possidetis» («каждый владеет той территорией, которую он фактически занимает»). Согласно этой формуле, Россия должна была получить Азов и четыре маленьких города, расположенных в низовьях Днепра. В проекте мирного договора, предложенного русским представителем, содержалось также требование свободного плавания русских судов в Чёрном море.

Однако австрийцы, хотя они являлись союзниками России, и в особенности английский посол лорд Вильям Пэджет, взявший на себя вместе с голландским послом роль посредника в переговорах между союзниками и турками, не только не поддержали русское требование, вытекавшее из формулы «uti possidetis», но прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить Россию к черноморскому побережью в области Днепровского лимана. Ободрённые поддержкой английского посла, турки упорно настаивали на уходе русских из занятых ими во время войны днепровских городов. После долгих споров было решено заключить перемирие сроком на два года, в течение которых Россия и Турция должны были придти к соглашению об условиях мира. Лорд Пэджет и в вопросе о перемирии занял резко враждебную России позицию, настаивая на ограничении срока перемирия всего тремя месяцами, а также на запрещении русским возобновлять строительство укреплений. «Тогда, — доносил Возницын Петру, — видя его наглость и делу поруху, говорил голландскому послу, что он видит, что товарищ его дела́ наши вместо посредства и сходства портит и чтобы он от того унял».

Чрезвычайным посланником для непосредственных переговоров с Турцией о заключении мира Пётр отправил в Константинополь думного дьяка Емельяна Украинцева. На военном 46-пушечном корабле «Крепость» в сентябре 1699 года он прибыл в турецкую столицу и, бросив якорь против дворца султана, возвестил о себе пушечным салютом. Как и на Карловицкой конференции, основным пунктом разногласий в Константинополе явился вопрос о свободном судоходстве по Чёрному морю и о проходе русских судов через проливы в Смирну и Египет. Турки не без иронии соглашались разрешить русским кораблям плавать только до Керчи. В своих возражениях Украинцев указывал, что в России не для того «морской великий караван построен, чтобы ему в одном месте стоять». Турки же продолжали утверждать, что Чёрным морем и всеми его берегами владеет один султан, а потому русские и впредь никогда не должны надеяться, что им будет позволено плавать по Чёрному морю. Турецкий уполномоченный картинно сравнивал Чёрное море с «чистой и непорочной девицей», к которой султан никогда нико-

му не позволит прикоснуться. Если же, говорил он, иностранные корабли станут плавать по Чёрному морю, тогда «...турское государство падёт и вверх ногами обратится». Находившиеся в Константинополе во время русско-турецкой конференции 1699—1700 годов английский и голландский послы поддерживали и разжигали у турок опасение перед возможным появлением в Чёрном море русских судов.

После длительного обсуждения статей мирного трактата, происходившего в обстановке острой дипломатической борьбы, турки согласились уступить России Азов с небольшой прилегающей к нему территорией, а вопрос о судоходстве на Чёрном море так и остался открытым до присылки «торжественного посла», который должен был ратифицировать грамоты мирного договора. Таким «торжественным послом» был отправлен в Константинополь князь Дм. Мих. Голицын. Однако в инструкции, данной Голицыну, ничего не говорилось о проливах. В отношении плавания по Чёрному морю Пётр также пошёл на значительные уступки с целью устранить у турок всякого рода подозрения и опасения в отношении военно-политических намерений России. Голицыну было поручено согласиться на то, чтобы турецкое правительство взяло на себя охрану русских купеческих кораблей, и даже на то, чтобы турки сажали на русские корабли своих людей «для надзора». Несмотря на эти уступки, турки отказались удовлетворить требования России. От имени султана, великого визиря и всего Дивана Голицыну было заявлено, что турецкое правительство не только говорить, но и слушать более не желает о русском судоходстве на Чёрном море. Хорошо знавший настроение турецкого правительства иерусалимский патриарх советовал Голицыну не начинать больше разговоров о мореплавании, «а станешь говорить, то мир испортишь, турок приведёшь в сумление. Турки хотят засыпать проход из Азовского моря в Чёрное и на том месте построить крепости многие, чтобы судов московских не пропускать в Чёрное море».

Пётр, занятый начавшейся борьбой со Швецией за Балтику, не настаивал больше на плавании по Чёрному морю. После неудачного Прутского похода в 1711 году Азов был возвращён Турции, а недостроенный азовский флот уничтожен.

Неудачи русской дипломатии на юге были в значительной степени компенсированы выдающимися успехами России на севере. По Ништадтскому миру 1721 года, Россия получила всё побережье Балтийского моря от Выборга до Риги. Морской путь на Запад был открыт через незамерзающие порты.

Из уроков этой борьбы Петра I за право русских судов ходить по Чёрному морю вытекали следующие выводы: 1) Турция благодаря захвату Северного Причерноморья и полному подчинению себе Крымского ханства рассматривала Чёрное море как своё «внутреннее» море, поэтому Россия могла добиться выхода в Чёрное море и права свободного прохода судов через проливы только в

результате военного поражения Турции; 2) стремление Турции закрыть для России Чёрное море находило полную поддержку со стороны большинства западных держав, особенно Англии и Франции.

В начале XVIII века морские державы (Англия и Голландия) охотно выступали в роли посредников между Россией и Турцией, стараясь использовать это для усиления своего влияния на Турцию, и всячески добивались такого исхода мирных переговоров, который был им выгоден. Во второй четверти XVIII века борьба России за доступ к Чёрному морю приобрела ещё более острый характер. К этому времени в Турции значительно возросло экономическое и политическое влияние Франции. Интриги французской дипломатии привели к тому, что отношение Турции к России в 30-х годах XVIII века стало резко враждебным. Тайные цели французской дипломатии в восточной политике с полной откровенностью изложил в письме к великому визирю французский офицер Бонневаль, поступивший на службу к султану для реорганизации турецкой армии. «Московиты, — писал он в начале 1734 года, — своим быстрым ростом изменяют всю систему Европы... Поэтому крайне необходимо, и для пользы Турции и для удержания равновесия в Европе, образовать союз из Турции и Франции, чтобы вернуть, если возможно, московитов в их старые границы и помешать им принимать участие в делах Европы».

В 1736 году началась новая война между Турцией и Россией. Поводом к этой войне послужило нападение крымских татар на южные русские области. Боевые действия, несмотря на слабую подготовку русской армии к этой войне, приносили туркам поражение за поражением, вследствие чего уже в 1737 году Турция дала согласие на открытие мирных переговоров. Но на конгрессе, созванном в том же, 1737 году в Немирове, турки, получив дипломатическую поддержку от западных держав, в том числе от союзницы России — Австрии, отклонили русские требования, хотя они были весьма умеренными.

Немировский конгресс закрылся, не приведя к соглашению, и военные действия между Турцией и Россией возобновились. Новые победы русских войск вызывали беспокойство западных дипломатов. Особенно тревожилась Франция, опасавшаяся, что Турция будет разбита и тогда уже не удастся воспрепятствовать выходу России на черноморское побережье. Французской дипломатии удалось добиться согласия русского правительства на посредничество Франции в новых переговорах между Турцией и Россией. Посредником был назначен ловкий дипломат маркиз де Вильнев, посол Франции в Константинополе. Вильнев очень успешно выполнил свою роль в интересах Турции и французских коммерческих кругов, стремившихся к закреплению за Францией монопольного положения в восточной торговле.

В 1739 году русская армия одержала ряд блестящих побед. Основные силы великого визиря были разбиты под Ставучанами.

После взятия крепости Хотин русская армия перешла Прут и заняла Яссы. Население Молдавии восторженно приветствовало русские войска как освободителей. В это время Вильнев, используя полученные им от русского правительства полномочия на ведение мирных переговоров, подписывал в Белграде условия мира между Россией и Турцией, поразившие всех своим несоответствием с понесёнными Россией жертвами и боевыми успехами русской армии. Единственным отвечавшим интересам России условием этого мира был отказ Турции от Азова с прилегающей территорией. Однако, отказываясь от Азова, турки ставили непременным условием разрушение крепости и превращение всей отданной территории в барьер между двумя государствами. Вместе с тем Белградский трактат подтверждал запрещение России иметь флот на Азовском и Чёрном морях. Маркиз де Вильнев торжествовал полный успех своей дипломатической игры, а турецкое правительство, признательное Вильневу, предоставило новые льготы французской торговле на Востоке.

Присоединение к России Северного Причерноморья

Новый период в истории черноморской проблемы и связанного с нею вопроса о судоходстве через проливы наступил со второй половины XVIII века. Начатая Турцией война с Россией (1768—1774 годы) вскоре наглядно показала военное могущество России и слабость Турции. Уже в 1770 г. русская армия одержала крупные победы при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле. Одновременно русский флот блестяще провёл экспедицию в Эгейском море, завершившуюся уничтожением турецкого флота в Чесменской бухте. В связи с этими успехами Екатерина II в рескрипте А. Г. Орлову от 22 марта 1771 года следующим образом определяла основные условия будущего мира: 1) уменьшение у Турции «способностей к атакованию России»; 2) «освобождение от порабощения торговли» и установление «беспрепятственной связи» между двумя государствами и 3) получение справедливого удовлетворения за убытки, понесённые во время войны. В конкретном применении эти требования означали: восстановление в отношении Азова условий мирного трактата 1700 года, присоединение Большой и Малой Кабарды к России, установление независимости «татарского народа» (Крымского ханства), возвращение «грузинским владетелям собственных их земель и городов, кои ныне оружием нашим от несправедливого похищения возвращены», открытие Чёрного моря и проливов для русских торговых кораблей.

Несмотря на то, что в Западной Европе многие политические деятели прекрасно понимали, насколько необходимо для России возвратить себе северный берег Чёрного моря и добиться свободного пользования южными морскими путями, именно эти требования России вызвали у иностранных дипломатов самое сильное беспокойство. Узнав о русских предположениях относительно будущего мира с Турцией, английский министр иностранных дел Роч-

форд писал послу Англии в Петербурге лорду Каткарту: «Не могу не высказать вам, что мысль, которой держатся в С.-Петербурге относительно открытия торговли на Чёрном море для всех народов, может вызвать сильные возражения... Ближайшие виды России при этом проекте, очевидно, состоят в том, чтобы проложить себе кратчайший путь в Средиземном море, что в случае согласия Порты, являющегося впрочем весьма сомнительным, неизбежно возбудило бы зависть тех народов, в чьих руках до тех пор находилась торговля в этом море, и по всей вероятности могло бы внушить опасения за их владения, расположенные в тех краях, на будущее время».

Рочфорд правильно определил отношение главных европейских государств к поднятым Россией вопросам о черноморском судоходстве и об открытии проливов. Какие бы взаимоотношения ни существовали тогда между Россией и той или другой европейской державой, никто из них, даже союзники России, не желали благоприятного для России разрешения этого вопроса. Франция опасалась появления русских кораблей на путях левантийской торговли. Англия в пику Франции сначала охотно помогала России, но тотчас изменила своё отношение, когда убедилась, что русские собираются извлечь пользу для себя из плодов собственных побед. Австрия ожидала, что в войне будут ослаблены оба противника—и Турция, и Россия — и тогда она сможет выступить с собственными требованиями. Позиция Пруссии охарактеризована Фридрихом II в его «Мемуарах»: «Пруссия не забыла ещё ударов, которые Россия нанесла ей в последнюю войну; вовсе не было в интересах короля самому содействовать усилению государства, столь страшного и опасного. Предстояло на выбор — или остановить Россию на пути её громадных завоеваний или, что было всего благоразумнее, попробовать ловкостью извлечь из её успехов пользу для себя. Король ничем не пренебрёг в этом отношении...» В письме к брату Фридрих писал, что, когда он узнал о русских требованиях, у него «волосы стали дыбом».

Вполне понятно, что при таких условиях единственно правильным решением, которое и приняла Екатерина, было решение во что бы то ни стало добиваться заключения мира с Турцией без посредников. Но Турция всё ещё надеялась на военную помощь со стороны Австрии, которая подписала с ней в 1771 году тайную союзную конвенцию, а также ожидала нападения Швеции на Россию. Поэтому, подстрекаемая широкими обещаниями французской дипломатии, она, несмотря на военные поражения, не шла ни на какие уступки в отношении будущих условий мира.

Екатерина II выдвигала перед Турцией минимальные требования. В записке к своему представителю Обрескову, отправлявшемуся в 1773 году на конференцию в Бухарест, она выразила их в следующей форме: «Если при мирном договоре не будет одержана независимость татар, не кораблестроение на Чёрном море, не крепости в заливе из Азовского в Чёрное море, то за верно сказать

можно, что со всеми победами мы над турками не выграли не гроша, и я первая скажу, что таковой мир будет столь же стыдный, как Прутской и Белградской в рассуждении обстоятельства».

Турки упорствовали. В переговорах с Обресковым они решительно возражали против предоставления России права торгового мореплавания в Чёрном море и свободного прохождения судов через проливы. По поводу же русского требования о передаче России Еникале они заявили, что эта крепость является «ключом к Константинополю». «Если Порта почитает Еникале ключом Константинополя,— возражал Обресков,— то Россия почитает оную равномерно ключом собственной безопасности, ключом вольности татар и ключом мореплавания».

Убедившись в невозможности придти к соглашению путём переговоров, Екатерина II предписала Румянцеву «вынудить у неприятеля силою оружия то, чего доселе не могли переговорами достигнуть». В январе 1774 года Румянцеву было приказано приготовиться к переходу через Дунай. Новые победы русской армии в пять дней привели к заключению мира, причём на условиях более выгодных, чем те, на которые соглашалось русское правительство на конференции в Бухаресте. В лагере близ деревни Кучюк-Кайнарджи Румянцев в июле 1774 года подписал мирный трактат. «Что касается до обряда, коим было трактовано сие дело, — писал Румянцев, — без всяких обрядов министериальных, а единственно скорою ухваткою военною, соответствуя положению оружия с одной стороны превозмогающего, а с другой — до крайности утеснённого».

По Кучюк-Кайнарджийскому миру Турция признала независимость Крыма, уступала России Керчь и Еникале, Кинбурн в устье Днепра и территорию между Днепром и Бугом. За Россией и Турцией утвердилось равное «вольное и беспрепятственное плавание купеческим кораблям» «во всех морях, их земли омывающих»; был разрешён проход русских коммерческих судов через проливы.

Таким образом, несмотря на сильнейшее сопротивление со стороны Австрии и западноевропейских морских держав, Россия добилась признания своих законных прав на черноморские порты и на проход русских торговых судов через проливы.

В 1783 году Крым был присоединён к России. В том же году в Крыму был заложен порт и город, названный Севастополь (в переводе: «Знаменитый город»). Постройка военного флота на верфях в Херсоне производилась с такой быстротой, что уже в 1787 году, во время посещения Екатериной II Крыма, иностранцы были поражены видом сильной русской эскадры, стоявшей на Севастопольском рейде.

Вторая русско-турецкая война (1787—1791 годы), начавшаяся неожиданным нападением турок на крепость Кинбурн, привела Турцию к новому тяжёлому военному поражению. В то время как русская армия под предводительством Суворова одержала над турками ряд блестящих побед, открывших ей путь за Дунай, молодой

русский черноморский флот во главе с адмиралом Ушаковым в четырёх сражениях завоевал полное господство на море. В результате этой войны Порта ещё раз могла убедиться, в какое тяжёлое положение ставили её западные державы, превращавшие Турцию в орудие своей политики, направленной против России. Опыт русско-турецких войн XVIII века должен был раскрыть Турции несостоятельность её планов сохранения захваченных ею в прошлые века земель Северного Причерноморья. Попытки Турции удержать эти земли, игравшие роль барьера, отделявшего Россию от морского побережья, и попрежнему распоряжаться в Чёрном море, как в своём внутреннем «озере», приводили к тяжёлым для неё потерям.

Оборонительные союзы между Россией и Турцией в 1799 и 1805 годах

Через 10 лет после окончания второй русско-турецкой войны события убедили Турцию в том, что опасность угрожает ей не с севера, не со стороны России, а с юга, и что соглашение между Турцией и Россией является лучшим средством для защиты интересов обоих государств и их безопасности. Толчком к русско-турецкому сближению послужила агрессивная политика Франции в восточной части Средиземноморского бассейна. Французские войска под командованием Наполеона Бонапарта, захватив Северную Италию, заняли Ионические острова, ряд крепостей на Албанском побережье и, наконец, летом 1798 года вторглись в провинцию Оттоманской империи — Египет. Турецкое правительство, в поисках поддержки против французской агрессии, обратилось прежде всего к России.

Россия тоже не могла спокойно относиться к хозяйничанию наполеоновских солдат в восточной части Средиземного моря, так как опасалась появления французского флота в Чёрном море, понимая, что одна Турция не в состоянии гарантировать безопасность проливов. Поэтому, узнав о захвате Наполеоном Мальты, русское правительство предложило Турции военную помощь.

В августе 1798 года к Константинополю была направлена русская эскадра из 6 кораблей, 8 фрегатов и 3 бригов под командованием адмирала Ушакова. Появление на рейде турецкой столицы русских кораблей во главе с грозным «Ушак-пашой» было встречено с огромной радостью и вызвало у населения необычайный интерес. О впечатлении, произведённом русской эскадрой, свидетельствует следующее донесение Ушакова императору Павлу: «Во всех местах оказаны мне отличная учтивость и благоприятство, также доверенность неограниченная... По всему видимому, Блистательная Порта и весь народ Константинополя прибытием нашей эскадры бесподобно обрадованы; учтивость, ласковость и доброжелательство их во всех случаях совершенны...».

В результате последовавших переговоров 3 января 1799 года (23 декабря 1798 года), между Турцией и Россией был заключён договор о взаимопомощи сроком на 8 лет, состоявший из двух

основных частей: гласной части и «артикулов сепаратных и секретных». В гласных статьях договора Россия и Турция гарантировали друг другу целостность своих владений (ст. 3) и обязывались оказывать стороне, подвергшейся вражескому нападению, помощь сухопутными и морскими силами или в денежной форме (ст. 5). В секретных статьях был указан противник, против которого договор об оборонительном союзе вступал в действие, т. е. Франция. Ввиду того что французское правительство устремилось «вооружённою рукою и в земли, Блистательной Порте оттоманской принадлежащие», русский император решил оказать султану помощь с целью восстановления спокойствия и «усрамления пагубных намерений французских». Порта же обязывалась пропустить русский флот через проливы из Чёрного моря в Средиземное и обратно. Для военных судов других держав Чёрное море объявлялось закрытым.

На основании этого оборонительного союза вскоре к русскому флоту присоединилась турецкая эскадра, состоявшая из 4 кораблей, 6 фрегатов, 4 корветов и 14 канонерских лодок под командованием одного из лучших турецких моряков — адмирала Кадыр-бея, который был поставлен в полное подчинение Ушакову. В конце сентября союзный флот прошёл Дарданеллы и направился в Адриатическое море, к занятым французами Ионическим островам.

После довольно слабого сопротивления французов в течение шести недель были заняты небольшие острова Цериго, Занте, Кефалония и Св. Мавры. Главные операции по овладению островом Корфу, который считался неприступной морской твердыней, развернулись в конце октября. Запасы продовольствия и боеприпасов в занятой французами крепости острова были рассчитаны на длительную осаду; гарнизон насчитывал около 3 тысяч человек и имел до 650 орудий. Между тем русские моряки испытывали недостаток в самом необходимом, находясь вдали от своих баз и не имея регулярного снабжения. Однако трудности не сломили русских моряков, и 18 февраля 1799 года, после ожесточённого штурма передовых укреплений Корфу, французский гарнизон вынужден был сложить оружие.

С освобождением Ионических островов основная задача экспедиции Ушакова была выполнена. Французы были выбиты из подступов к Балканскому полуострову и потеряли базы для операций в восточной части Средиземного моря. Таким образом, правительство Оттоманской империи, которое в течение многих десятилетий с недоверием относилось к каждому русскому кораблю, убедилось в том, что только русский флот, свободно пользующийся проливами, может гарантировать безопасность Турции.

23 (11) сентября 1805 года между Турцией и Россией был заключён новый союзный договор сроком на 9 лет, который ещё раз подтвердил обязательства о совместной защите проливов, взятые на себя Россией и Турцией. «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны,— гласит договор,— соглашаются считать Чёрное море за

закрытое море и не допускать появления никакого военного или вооружённого судна какой бы то ни было державы. В случае же, если бы какая-либо из них пыталась явиться туда вооружённой, то обе Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются считать попытку за казус федерис (т. е. повод к оказанию союзной помощи) и препятствовать ей всеми своими морскими силами, признавая в том единственное средство для обеспечения своей взаимной безопасности. При этом разумеется, что свободный проход через Константинопольский канал не перестанет быть открытым для военных судов и транспортов е. в. Императора Всероссийского, которым Блистательная Порта, насколько будет от неё зависеть, во всяком случае окажет всякую помощь и предоставит всякое облегчение».

Следовательно, союзный договор 1805 года, не нарушая суверенитета Турции, предусматривал совместную оборону проливов, в которой были заинтересованы оба государства. Однако турецкое правительство уже через несколько месяцев после подписания договора грубо нарушило принятые обязательства. Поводом к этому послужила неудачная для России кампания 1805 года, завершившаяся тяжёлым поражением русско-австрийской армии в бою под Аустерлицем. Наполеону, стремившемуся связать руки России на юге, удалось убедить турецкое правительство в том, что после поражения под Аустерлицем военное могущество России окончательно подорвано и что впредь она уже не в состоянии будет защитить свои черноморские владения. Тогда султан Селим III под влиянием военных успехов Наполеона решил, что настал благоприятный момент для того, чтобы снова отнять у России южные земли, и, рассчитывая на помощь Франции, подчинил политику своей страны требованиям французской дипломатии. Это и привело к разрыву русско-турецких отношений и к новой войне.

Турции пришлось дорого заплатить за забвение исторического опыта. Война 1806—1812 годов закончилась тяжёлым военным поражением Турции, несмотря на то что главные силы русской армии были в то время отвлечены на Запад. В июне 1811 года турецкая армия, в четыре раза превосходившая по численности русскую дунайскую армию, была разбита Кутузовым, а попытка великого визиря возобновить наступление окончилась для него ещё более тяжёлым поражением. В ноябре 1811 года окружённые Кутузовым остатки турецкой армии сдались в плен. Несмотря на то, что Наполеон, готовясь начать поход на Россию, использовал все дипломатические уловки для того, чтобы удержать Турцию от заключения мира с русскими, Кутузов, являвшийся не только гениальным полководцем, но и выдающимся дипломатом, сумел завершить дипломатические переговоры подписанием с турками (Бухарест, 28 (16) мая 1812 года) мирного договора на предложенных им условиях. По этому договору русско-турецкая граница переносилась с берегов Днестра на берега Прута и Дуная. Освобождённая русскими войсками Бессарабия была включена в состав Российской империи. Вместе с тем, подтвердив все предыдущие трактаты

между Россией и Турцией, Бухарестский мир снова подтвердил право России на свободное плавание её торговых судов по Чёрному морю и на их проход через проливы.

Право свободного пользования проливами для коммерческих русских и иностранных судов было подтверждено и Адрианопольским миром 1829 года. Нуждаясь в покровительстве и защите России, в связи с восстанием египетского паши Мехмеда Али, султан Махмуд II 8 июля (26 июня) 1833 года заключил в Ункиар-Искелеси (предместье Константинополя) новый договор с Россией о взаимной помощи сроком на 8 лет. Русское правительство, гарантируя неприкосновенность Турции, давало обещание в случае необходимости предоставить в её распоряжение свои морские и сухопутные силы. В свою очередь, по секретной статье договора, Турция обязывалась в интересах России закрыть Дарданелльский пролив и «не дозволять никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом». Вместе с тем договор 1833 года устанавливал, что все предыдущие соглашения между Турцией и Россией, прямо не отменённые настоящим договором, оставались в силе. Поэтому за Россией, на основании ст. 7 договора 1805 года, оставалось право пользоваться проливами для прохода не только коммерческих, но и военных судов.

В этом была заинтересована не только Россия, но и Турция, которая поняла, что решения о совместной обороне проливов, принятые в 1799 и в 1805 годах, являются единственно правильными, гарантирующими безопасность черноморских государств.

Отход Турции от оборонительного союза с Россией

Именно это обстоятельство вызвало решительное противодействие со стороны Франции и особенно Англии. Использовав возникший в 1839 году новый конфликт между Мехмедом Али и султаном, английская дипломатия добилась замены Ункиар-Искелесского договора многосторонней международной конвенцией, фактически отдававшей Турцию под опеку европейских держав.

Эта конвенция о проливах была подписана в Лондоне в 1841 году представителями пяти великих держав. Первая статья конвенции изложена следующим образом: «Его величество султан, с одной стороны, объявляет, что он имеет твёрдое намерение на будущее время соблюдать начало, непреложно установленное, как древнее правило его империи, в силу коего всегда было воспрещено военным судам иностранных держав входить в проливы Дарданелл и Босфора, и, пока Порта находится в мире, его султанское величество не допустит ни одного иностранного судна в сказанные проливы. И их величества... с другой стороны, обещают уважать это решение султана и сообразоваться с вышеизложенным началом».

Конвенция 1841 года лишала Россию принадлежавшего ей по договору 1833 года права совместной с Турцией защиты берегов Босфора. Вместе с тем, в случае вступления Турции в войну, конвенция не давала России никакой гарантии безопасности.

Результатом этого явилось участие Турции совместно с Англией, Францией и Сардинией в коалиционной Крымской войне против России (1853—1856 годы).

Крымская война ещё раз подтвердила огромное значение проливов для обороны русского побережья. Открыв проливы противникам России, турецкое правительство дало возможность паровому англо-французскому флоту, обладавшему огромным численным перевесом и военно-техническими преимуществами над русским парусным флотом, войти в Чёрное море и произвести десант в Крыму.

Одной из основных целей войны для союзников являлся пересмотр конвенции о проливах 1841 года, который должен был ещё больше стеснить интересы России и лишить её средств защиты длинной береговой линии. Эти требования, составлявшие один из выдвинутых союзниками «четырёх пунктов», были сообщены Горчакову в Вене в августе 1854 года, когда англо-франко-турецкие войска ещё не подошли к Севастополю. Позже, на конференции послов, происходившей в Вене в декабре 1854 года — апреле 1855 года, в самый разгар осады Севастополя, эти требования были сформулированы в ещё более категорической и неприемлемой для России форме. Английский и французский послы заявили, что работа конференции должна «положить конец преобладанию» России на Чёрном море. Горчаков решительно отказался согласиться с этой декларацией, нарушающей суверенитет России. В это время стало уже ясно, что союзники будут добиваться запрещения России держать на Чёрном море военный флот. Переговоры были прерваны.

Но отсталая, крепостническая Россия Николая I не в состоянии была вести долголетнюю войну с коалицией передовых западноевропейских держав. 2 декабря 1854 года к оборонительно-наступательному союзу присоединилась Австрия. Ожидалось выступление всех германских государств во главе с Австрией и Пруссией. 28 августа 1855 года русская армия оставила развалины Севастополя. После этого правительство Александра II вынуждено было согласиться на ведение в Париже мирных переговоров на основе предъявленных России предварительных условий, в которые входила и «нейтрализация» Чёрного моря.

Согласно ст. 11 Парижского трактата, подписанного 30 (18) марта 1856 года, Чёрное море объявлялось «нейтральным» и открытым для торгового мореплавания всех народов. Вход в его порты и воды военным судам как прибрежных, так и всех прочих держав запрещался «формально и навсегда». По ст. 13 на берегах Чёрного моря запрещалось содержать военно-морские арсеналы, как «неимеющие уже цели».

К трактату была приложена конвенция, касающаяся режима проливов Дарданелл и Босфора, которая в основном повторяла конвенцию 1841 года. Другая приложенная к мирному трактату конвенция устанавливала число и тоннаж военных судов, которые мог-

ли иметь Турция и Россия: по 6 паровых судов вместимостью не свыше 800 т каждое и по 4 лёгких паровых или парусных судна, не свыше 200 т каждое.

Таким образом, в «Конвенцию о проливах» 1856 года были включены условия, наносившие ущерб интересам России и находившиеся в противоречии с основным текстом Парижского трактата. Как было указано, по ст. 11 мирного договора, проход через проливы запрещался «формально и навсегда» для военных судов всех стран; между тем, согласно ст. 1 конвенции, это запрещение касалось только мирного времени, когда Турция не находилась в состоянии войны с какой-либо державой. Это давало возможности западным державам, превратившим Турцию в орудие своей политики, оказать на Порту, в случае конфликта с Россией, нужное давление и, пользуясь правом входа военного флота в Чёрное море, напасть на незащищённое русское побережье. Вскоре после подписания Парижского мира Австрия, Франция и Англия заключили между собой дополнительно соглашение, по которому вооружённые силы союзников обязывались охранять кабальные для России условия мирного трактата от какого-либо нарушения и изменения.

Производившиеся в течение 60-х годов неоднократные попытки русского правительства добиться пересмотра тяжёлых условий мира 1856 года неизменно встречали сильнейшее сопротивление со стороны английского кабинета. Когда русский посол в Лондоне в разговоре с английским министром иностранных дел лордом Росселем затронул вопрос об отмене статей Парижского трактата, касающихся Чёрного моря, Россель ответил ему категорическим отказом, ссылаясь на то, что «никакой кабинет не решился бы сделать такое предложение, разве он мог бы оправдать такое действие какою-либо выгодною сделкою, вполне соответствующею уступке».

Только в начале 70-х годов благоприятная политическая обстановка, сложившаяся в связи с франко-прусской войной, позволила русской дипломатии успешно разрешить вопрос об отмене ограничительных статей Парижского договора. 31 (19) октября 1870 года руководитель русской внешней политики Горчаков отправил державам, подписавшим Парижский договор, циркулярную депешу, в которой объявлял, что Россия не считает себя больше связанной обязательствами, ограничившими её суверенные права на Чёрном море. В депеше указывалось, что, как показал пятнадцатилетний опыт, установленная этим договором и приложенной к нему конвенцией «нейтрализация» Чёрного моря не только не обеспечивает мир, но создаёт величайшую опасность для России. Турция сохраняла право содержать в Архипелаге и в проливах военные суда в неограниченных размерах, Англия и Франция имели право сосредоточивать свои эскадры в Средиземном море. Появление броненосных судов, непредвиденных договором 1856 года, в значительной степени увеличило неравенство в морских силах обеих сторон. Турция и великие державы сами неоднократно нарушали условия договора, в силу чего он и потерял своё прежнее значение. В своей

циркулярной депеше Горчаков ничего не сообщал о пересмотре режима проливов, но твёрдо заявлял, что Россия не намерена больше ограничивать свои морские вооружения на Чёрном море.

Депеша Горчакова, составленная в спокойном, но твёрдом тоне, вызвала смятение среди иностранных дипломатов. Английский министр иностранных дел лорд Гранвиль сравнивал её с бомбой, которая разорвалась против всякого ожидания Гладстона (глава английского кабинета) и его товарищей. Растерянность английского кабинета выразилась в длинной ответной ноте, о которой Горчаков сказал, что она скорее напоминает «диссертацию по международному праву». Не решаясь на прямой отказ, Гранвиль настаивал на передаче возбуждённого Россией вопроса на обсуждение международной конференции. В то же время в беседе с русским послом в Лондоне он недвусмысленно намекал на возможность войны. Гладстон был очень обижен кличкой «лавочника», данной ему на континенте, и поэтому старался казаться храбрым. Его воинственное настроение поддерживалось частью враждебной России английской прессы.

Но война так и не началась. Гладстону и Гранвилю пришлось убедиться в невозможности при сложившихся политических условиях найти союзников для выступления против России. Турция была слишком слаба, да к тому же султан боялся восстания славян. Франция была разбита, Бисмарк в предвидении мирных переговоров «заигрывал» с русским двором, Австрия сдерживалась позицией Пруссии, а правительство Соединённых Штатов Северной Америки, находившееся в это время в конфликте с Англией, предложило русскому правительству военный союз и даже готово было отправить в Чёрное море американскую эскадру для противодействия английскому флоту.

У Горчакова были все основания считать свою позицию достаточно сильной, и поэтому он согласился на передачу возбуждённого им вопроса конференции великих держав, которая должна была состояться в Лондоне. При этом Горчаков заявил, что отказ России от ограничений в области вооружённых сил на Чёрном море уже приобрёл силу закона и что конференция должна лишь превратить этот акт из одностороннего в международный.

Действительно, уже в предварительных переговорах между участниками будущей конференции все державы пришли к соглашению не подвергать обсуждению принятое Россией решение об отмене ограничительных постановлений Парижского трактата, а лишь разработать порядок изменения международных договоров на будущее время. Тем не менее на Лондонской конференции, происходившей с 17 (5) января по 14 (2) марта 1871 года, представители Англии и Австрии усиленно добивались установления такого режима проливов, который оставил бы их закрытыми для русского флота, но давал бы возможность пользоваться ими военным судам нечерноморских держав. С этой целью австрийский и английский представители предложили включить в статью о проливах,

которая должна была заменить соответствующие статьи Парижского договора, оговорку о том, что султан имеет право открывать проливы Босфор и Дарданеллы «в виде временной исключительной меры, в единственном случае, когда безопасность его империи заставила бы его признать необходимым присутствие военных судов держав неприбрежных».

В двух словах этой фразы — «держав неприбрежных» — скрывалась искусно устроенная дипломатическая ловушка, смысл которой не сразу понял русский уполномоченный. Последний относил понятие «неприбрежных» к проливам, о которых говорилось в данной статье. С этой точки зрения «неприбрежными державами» были все государства, за исключением Турции. Однако западные дипломаты давали иное толкование понятию «неприбрежные державы», считая, что «неприбрежные» нужно понимать не по отношению к проливам, а по отношению к Чёрному морю, хотя последнее и не было названо в данной статье. При таком толковании получалось (чего и добивались Англия и Австрия), что султан в исключительных случаях получал право открывать проливы для военных судов всех стран, за исключением России. Россия же ни при каких обстоятельствах не могла быть допущена к проливам. Горчаков и царь Александр II поняли нарочитую двусмысленность предложенной редакции статьи о проливах уже после того, как русский представитель на конференции дал согласие на включение этой статьи в режим проливов. Неожиданная помощь России явилась со стороны Турции, представитель которой, к удивлению своих бывших союзников, стал упорно настаивать на замене слов «держав неприбрежных» словами «дружественных держав», так как видел в первом выражении ограничение свободной воли султана. Спор по поводу этой формулировки длился около двух месяцев и угрожал срывом конференции. В конце концов была принята редакция, в общем близкая к турецкому предложению, но всё же мало выгодная для России.

В окончательном виде статья была изложена следующим образом: «Начало закрытия проливов Дарданелльского и Босфорского в том виде, в каком оно было установлено особою конвенциею 30 марта 1856 года, остаётся в силе, с предоставлением султану возможности открывать сказанные проливы в мирное время военным судам дружественных и союзных держав, в случае, когда Высокая Порта признает это необходимым для обеспечения постановлений Парижского договора 30 марта 1856 года».

14 (2) марта 1871 года Лондонская конференция закрылась. Несмотря на не вполне удовлетворительный для России режим проливов, установленный новой конвенцией, следует признать, что отмена ограничительных статей Парижского трактата, которые Горчаков называл «скорбной страницей русской истории», являлась крупной победой русской дипломатии. С этого момента начал возрождаться черноморский флот, история которого связана с именами выдающихся флотоводцев Ушакова, Лазарева, Истомина, На-

химова, Корнилова. Но создание сильного черноморского флота, способного защитить черноморское побережье России от морского нападения, при экономической и технической отсталости России было делом весьма продолжительного времени. Поэтому западные державы, продолжавшие ревниво относиться к каждому политическому успеху России, стремились сохранить действующий режим проливов, который запрещал проход русских военных кораблей через проливы, не гарантируя Россию от появления иностранного флота на Чёрном море.

Это стремление западных держав с полной ясностью подтвердилось в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В Англии очень опасались, что в результате военных успехов Россия потребует открытия проливов, и уже через три недели после начала войны, 6 мая 1877 года, английский министр иностранных дел лорд Дерби обратился к русскому правительству с нотой, в которой заявлял, что «освящённый санкцией Европы порядок судоходства через Босфор и Дарданеллы кажется правительству королевы здравым и полезным, и по его мнению существовали бы важные препятствия к изменению его в существенной его части».

Со своей стороны Горчаков в секретной инструкции русскому послу в Лондоне следующим образом изложил свою точку зрения на вопрос о проливах: «Политическое положение проливов требует его пересмотра в духе справедливости. Соглашение, по которому Чёрное море, закрытое во время мира, открывается в случае войны, всем флотам, враждебным России, было придумано из чувства недоверия и вражды. Россия, хотя замкнутая в Чёрном море, не пользуется никаким обеспечением безопасности, тогда как это море, принадлежа только двум береговым владельцам, по справедливости, должно быть равным образом открыто им обоим. В интересах мира и равновесия желательно было бы разрешить эти вопросы по общему соглашению, таким образом, чтобы оградить Чёрное море от последствий ненормального и исключительного положения проливов». Когда русские войска перешли Дунай, английские военные суда начали сосредоточиваться в Безикском заливе, а на острове Мальте англичане стали готовить десантный корпус. Английский посол в Берлине Одо Россель откровенно заявил русскому послу, что «английское общественное мнение» не может примириться с мыслью, что русские военные суда при открытии проливов получат доступ к Средиземному морю.

Незадолго до окончания войны в министерстве иностранных дел России была составлена памятная записка о тех условиях мира, которые предполагалось предъявить турецкому правительству. Вопрос о проливах был изложен в ней в следующем виде: «Начало закрытия проливов иностранным военным судам остаётся в силе; государства, прибрежные к Чёрному морю, имели бы, однако, право на пропуск военных судов по одиночке; султан был бы обязан выдавать каждый раз необходимое на этот проход разрешение».

Опыт убедил русское правительство, что доведение черноморского флота до размеров, при которых он мог бы успешно защищать морские границы России, невозможно при использовании только местных средств, во всяком случае это потребовало бы очень продолжительного времени. Поэтому предполагалось, что в дальнейшем черноморский флот будет пополняться новыми кораблями, построенными на балтийских верфях или купленными за границей. Такую возможность и предусматривал проект постановления о праве одиночного прохождения через проливы русских военных кораблей. Это была оборонительная мера, а отнюдь не проявление тенденции к морскому соперничеству с Англией в Средиземном море.

Но и эти скромные требования России, предъявленные в результате победоносной войны, стоившей больших жертв, вызвали резко отрицательное отношение со стороны Англии. Причина такого отношения Англии к русским требованиям в вопросе о проливах заключалась в особенности английской внешней политики на Востоке, устойчиво державшейся почти на всём протяжении XVIII—XIX веков. Одним из средств укрепления своего влияния в восточных странах английские политики считали разжигание вражды между Турцией и Россией. Однако у них не было уверенности, что такая политика и впредь будет приводить к успеху. В прошлом были примеры, когда между Россией и Турцией заключались союзные договоры (1799, 1805 и 1833 годы). Если бы такой договор был вновь заключён, — а подобная возможность была реальной, так как соответствовала интересам и России, и Турции, то традиционная политика Англии, направленная на обострение русско-турецких отношений, потерпела бы поражение. Вот почему Англия, а вслед за ней и Австрия прилагали все усилия к тому, чтобы не допустить непосредственных мирных переговоров между Россией и Турцией. Когда же Россия и Турция всё-таки заключили между собой мирный договор (в Сан-Стефано, предместье Константинополя), Англия и Австрия при поддержке Бисмарка стали усиленно добиваться его пересмотра.

На Берлинском конгрессе (13 июня — 13 июля 1878 года) условия Сан-Стефанского мира были пересмотрены, и Россия по вынужденному соглашению с Англией приняла без изменений режим проливов, установленный Лондонской конвенцией 1871 года.

На одном из заседаний конгресса английский министр иностранных дел лорд Солсбери неожиданно заявил, что «обязательства, принятые королевою Великобритании по предмету закрытия проливов, сводятся исключительно к обязательству по отношению к султану уважать, ввиду сего, его самостоятельные решения, соответствующие существующим договорам». В ответ на это русский уполномоченный возразил, что постановление относительно проливов является обязательством перед всеми подписавшими его державами. Заявление лорда Солсбери, сделанное в чрезвычайно неясной форме, в то время вызвало лишь недоумение. Только значи-

тельно позже, когда в 1885 году в связи с русско-английским конфликтом, в палате лордов обсуждался вопрос о возможности посылки английского флота в Чёрное море, Солсбери разъяснил своё заявление, сделанное на Берлинском конгрессе. Смысл его, как оказалось, заключался в том, что обязательства Англии в отношении Дарданелл были обязательствами лично перед султаном, а не обязательствами международного характера. Такое толкование давало возможность Великобритании под тем или иным предлогом посылать свой военный флот в Чёрное море.

Итак, по Берлинскому трактату 1878 года, так же как и по соглашениям 1841, 1856 и 1871 годов, Россия была лишена права проводить свои военные корабли через проливы.

Во время русско-японской войны 1904—1905 годов закрытие проливов для русского военного флота поставило Россию в чрезвычайно тяжёлое положение, так как черноморский флот был лишён возможности принимать участие в боевых операциях против Японии.

События первой мировой войны (1914—1918 годы) ещё раз подтвердили огромное стратегическое значение проливов для обороны южных морских границ России и абсолютную неприемлемость для охраны безопасности на Чёрном море Берлинского договора 1878 года. В самом начале войны, 10 августа 1914 года, когда Турция ещё оставалась формально «нейтральной» державой, немецкие военные корабли — линейный крейсер «Гебен» и лёгкий крейсер «Бреслау» — проникли через Дарданеллы в Мраморное море и в октябре 1914 года приняли активное участие в боевых действиях против русского флота и прибрежных городов Чёрного моря. Тем самым Турция вступила в первую мировую войну на стороне Германии. Как известно, забвение исторического опыта вновь привело тогда Турцию к тяжёлому поражению.

Советский Союз и проблема черноморских проливов

Разгром Германии и её союзников в первой мировой войне отдал черноморские проливы под контроль держав Антанты, которые воспользовались этим в целях проведения интервенции на юге России.

Антанта пыталась юридически закрепить свои преимущества, навязав султанскому правительству Турции Севрский договор от 10 августа 1920 года. Однако образованное новое кемалистское правительство не признало Севрского договора и вступило на путь укрепления дружеских отношений с Советской Россией. Подписанный в Москве 16 марта 1921 года договор устанавливал «постоянные сердечные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанные на взаимных интересах обеих сторон». Вопрос о международном статуте Чёрного моря и проливов разрешался в договоре 1921 года следующим образом: «Дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются пе-

редать окончательную выработку международного статута Чёрного моря и проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран при условии, что вынесенные ею решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и её столицы — Константинополя».

Однако по окончании национальной войны кемалистское правительство отошло от этого принципа. На Лозаннской конференции (20 ноября 1922 года — 24 июля 1923 года), вырабатывавшей условия мира между державами Антанты и Турции, вопрос о проливах рассматривался не только черноморскими странами, но и многими другими государствами, в том числе и Японией. Министр иностранных дел Англии лорд Керзон, непримиримый противник СССР, одной из главных задач конференции ставил отмену советско-турецкого договора от 16 марта 1921 года, особенно в той его части, которая касалась проливов. Керзон добивался установления такого режима проливов, при котором английский флот в любое время мог бы появиться в Чёрном море.

Советская делегация на конференции указывала на огромное жизненное значение проливов для советских республик. Через порты Азовского и Чёрного морей до войны направлялось более 70% всего вывоза хлеба из России. Ещё большее значение имели проливы для охраны безопасности южных границ советского государства. Советская делегация напомнила конференции о недавних событиях гражданской войны, когда державы Антанты, помогая белогвардейцам, посылали в Чёрное море свои войска и флот и оккупировали ряд советских портов и городов, в том числе Одессу, Николаев, Херсон, Севастополь, Батум. Поэтому советская делегация настаивала на закрытии проливов для военных и вооружённых судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран, за исключением Турции как в мирное, так и военное время.

Предложения советской делегации были весьма умеренными; они заключали в себе известные неудобства и для Советской России, которая попрежнему была бы лишена возможности перебрасывать военные корабли черноморского флота в другие моря, но советское правительство шло на такой компромисс с целью создания более спокойной обстановки на Ближнем Востоке и укрепления безопасности в районе Чёрного моря.

Лорд Керзон, пользуясь поддержкой других участников конференции, выступил против советских предложений. В это время за кулисами конференции была совершена сделка с Турцией, которой за счёт проливов были обещаны уступки по другим вопросам. В результате конференция приняла английский проект соглашения. Подписанная 24 июля 1923 года Лозаннская конвенция проливов предусматривала демилитаризацию проливов и свободу прохода через них не только для коммерческих, но и для военных судов всех стран, как в мирное, так и в военное время. Благодаря этому Англия, сильная морская держава, получила возможность постоянно угрожать советскому государству на Чёрном море.

Советское правительство отказалось ратифицировать Лозаннскую конвенцию. Впоследствии Турция неоднократно выдвигала вопрос о пересмотре Лозаннской конвенции, как нарушающей её суверенитет, но Англия всячески противодействовала пересмотру. Только в 1935 году, в связи с начавшимся англо-турецким сближением, Англия дала своё согласие на созыв новой конференции, состоявшейся в 1936 году в Монтрё. На конференции английская делегация выдвинула предложения, направленные против интересов черноморских держав и прежде всего Советского Союза. Настаивая на признании Чёрного моря открытым «международным морем», английские представители возражали против каких-либо ограничений в отношении входа в это море военных судов нечерноморских государств; по мнению английской делегации, условия прохода через проливы военных кораблей должны были быть одинаковы как для государств Чёрного моря, так и для нечерноморских государств. Любопытно обоснование, выдвинутое английскими делегатами для доказательства необходимости открыть Чёрное море для свободного входа военных кораблей нечерноморских стран: военные корабли, заявили они, должны посылаться в Чёрное море для розыска английских рыболовов, которые самовольно меняют места своего промысла...

Предложение английской делегации о равенстве прав черноморских и нечерноморских держав в отношении прохода через проливы было тотчас поддержано японской делегацией, заявившей, что она согласна на любые, даже самые жёсткие ограничения в условиях прохода через проливы военных кораблей, лишь бы только черноморским державам не были предоставлены в этом отношении какие-либо преимущества.

Турецкая делегация на конференции не только не проявила стремлений оградить интересы черноморских государств, но сама, повидимому, решила воспользоваться пересмотром конвенции для того, чтобы воспрепятствовать развитию и свободе передвижения советского черноморского флота. Лишь благодаря твёрдой позиции советских представителей удалось внести в английский проект, который поддерживали и турецкие делегаты, важные изменения.

Конвенция, заключённая 20 июля 1936 года в Монтрё, восстановила суверенитет Турции над проливами, исключив для неё всякие ограничения в отношении вооружения проливов. Решение Лозаннской конференции о свободе прохода через проливы коммерческих судов всех стран было подтверждено, но для военных судов нечерноморских стран конвенция устанавливала ограничения: этим государствам разрешалось проводить в Чёрное море только лёгкие надводные корабли, причём общий тоннаж военных судов нечерноморских держав, находящихся в Чёрном море, не должен был превышать 30 тыс. т, а судов одной из держав — 20 тыс. тонн.

Несмотря на наличие в конвенции некоторых положительных, с точки зрения черноморских стран, постановлений, она всё же не ограждала законных интересов черноморских держав. Охрана про-

ливов в мирное и военное время была целиком предоставлена Турции, которая становилась единственным контролёром и единственным гарантом выполнения конвенции. Между тем события второй мировой войны показали, что турецкое правительство отнюдь не обеспечивает точности выполнения конвенции и не заботится о предотвращении возможности использования проливов в целях, враждебных черноморским державам. Во время войны неоднократно отмечались случаи, когда, несмотря на формальный нейтралитет Турции, Германия и Италия проводили через проливы свои боевые и вспомогательные военные суда, принимавшие затем участие в операциях против Советского Союза. Советское правительство несколько раз заявляло правительству Турции протесты по поводу использования проливов государствами, находящимися в то время в состоянии войны с СССР и его союзниками. Однако эти представления советского правительства не исчерпывали всех случаев, когда Германия и Италия проводили свои военные и военно-вспомогательные суда в Чёрное море. Достаточно, например, указать на неоднократный пропуск через проливы германских быстроходных десантных барж в 1942 и 1943 годах. Советское Верховное Главнокомандование, учитывая реальные размеры угрозы, возникшей вследствие пользования проливами воюющими с СССР и его союзниками государствами, было вынуждено снять с главных направлений театра военных действий существенное количество вооружённых сил для обороны черноморского района. Таким образом, конвенция о проливах, заключённая в Монтрё, не помешала вражеским государствам использовать проливы в военных целях против СССР и его союзников, за что турецкое правительство, виновное в нарушении условий конвенции, не может не нести ответственности.

В августе 1945 года на Берлинской конференции трёх держав — Великобритании, Соединённых Штатов Америки и Советского Союза — было принято решение, по которому конвенция о проливах, заключённая в Монтрё, должна быть пересмотрена как не отвечающая условиям данного времени. В соответствии с решением конференции каждое из трёх правительств должно было вступить в переговоры по данному вопросу с турецким правительством.

7 августа 1946 года правительство СССР обратилось к турецкому правительству с нотой, в которой предлагало установить для проливов новый режим, исходя из следующих принципов: 1) Проливы должны быть всегда открыты для прохода торговых судов всех стран. 2) Проливы должны быть всегда открыты для прохода военных судов черноморских держав. 3) Проход через проливы для военных судов нечерноморских держав не допускается, за исключением особо предусмотренных случаев. 4) Установление режима проливов как единственного морского пути, ведущего из Чёрного моря и в Чёрное море, должно являться компетенцией Турции и других черноморских держав. 5) Турция и Советский Союз, как державы, наиболее заинтересованные и способные обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в проливах, орга-

низуют совместными средствами оборону проливов для предотвращения использования проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях.

22 августа турецкое правительство передало советскому правительству ответную ноту, большая часть которой была посвящена попыткам объяснить конкретные случаи прохода через проливы военных и военно-вспомогательных судов стран «оси» во время второй мировой войны. В турецкой ноте содержатся необоснованные утверждения о том, будто проход через проливы вражеских судов во время минувшей войны не ставил под угрозу безопасность Советского Союза, и Турция якобы справлялась с задачей охраны проливов.

Из пяти принципов, которые советское правительство в ноте от 7 августа предлагало положить в основу установления нового режима проливов, правительство Турции, поскольку можно судить на основании ноты от 22 августа, не возражает против первых трёх, хотя и отмечает, что в дальнейшем имеет сделать в связи с этим некоторые оговорки.

Что же касается остальных двух предложений советской ноты от 7 августа (предложение признать, что установление режима проливов должно являться компетенцией Турции и других черноморских держав, и предложение о том, чтобы Турция и Советский Союз совместными средствами организовали оборону проливов), то турецкое правительство не принимает их, отмечая, в частности, что последнее предложение несовместимо с суверенными правами Турции и что оно якобы ликвидирует её безопасность.

24 сентября поверенный в делах СССР в Турции по поручению советского правительства вручил министру иностранных дел турецкой республики ответ на ноту турецкого правительства от 22 августа. В своём ответе советское правительство выразило удовлетворение по поводу того, что турецкое правительство готово принять за основу три первых пункта советского предложения. Вместе с тем советское правительство подробно остановилось на двух остальных пунктах, вызвавших отрицательное отношение со стороны правительства Турции. Советское правительство обратило внимание турецкого правительства на особое положение Чёрного моря, как открытого моря. Это значит, что черноморские проливы являются морским путём, ведущим лишь к берегам нескольких черноморских держав. Вполне естественно поэтому, что Советский Союз и другие черноморские державы в большей степени, чем нечерноморские державы, должны быть заинтересованы в урегулировании режима черноморских проливов. Назначение черноморских проливов, ведущих в закрытое Чёрное море, совершенно отлично от назначения таких основных мировых водных путей, какими являются, например, Гибралтарский пролив или Суэцкий канал.

Советское правительство подтвердило своё мнение о том, что только совместными средствами Турция и Советский Союз могут

обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасность в проливах, причём осуществление предложения Советского Союза не должно затронуть суверенитет Турции, а должно лишь обеспечить более надёжную оборону проливов в интересах как Турции, так и других черноморских держав.

Справедливость предложений, выдвинутых советским правительством, подтверждается всем многовековым историческим опытом, который ясно показал, какое огромное значение для безопасности черноморских держав имеет охрана проливов. Исторический опыт показал также, что сама Турция не в состоянии организовать достаточно надёжную и прочную оборону проливов. Совместная же защита проливов Россией и Турцией, как это имело, например, место во время наполеоновских войн, вполне соответствует интересам обоих государств и могла бы обеспечить действительную безопасность их черноморских владений.

Советский Союз всегда с уважением относился и относится к суверенным правам народов, и предложения советского правительства, изложенные в нотах к турецкому правительству от 7 августа и 24 сентября 1946 года, ни в какой мере не затрагивают суверенитета Турции. Эти предложения вполне соответствуют интересам обоих государств, одинаково заинтересованных в том, чтобы гарантировать должную безопасность в районе Чёрного моря. Эти предложения, как и вся внешняя политика Советского Союза, направлены к единой высокой цели — установлению прочного мира и всеобщей безопасности народов.

Цена 60 коп.